А.И. КУПРИН

БЕЛЫЕ НОЧИ

РАССКАЗ

Белые ночи

Александр Иванович Куприн

Аннотация
Александр Иванович Куприн. Белые ночи

Аннотация

Белые ночи на севере, они незабываемы, их не сравнить с другими, воспоминания о них вызывают тоску и томление, а мысли приобретают мистическую направленность…

Александр Иванович Куприн
Белые ночи[1]

[1] Примечания: 1
Впервые — журнал «Южные записки», Одесса, 1904, 10 октября, № 44.

Слушай: теперь я расскажу тебе о белых ночах далекого севера.

Все время они вспоминались мне здесь, на юге, среди этой чрезмерной, пышной и декоративной природы, вспоминались, как иногда сквозь туман многих годов вспоминается робкий поцелуй холодных девических уст, — такой быстрый, трепещущий, пугливый поцелуй в полутьме вечера, у окна, заставленного цветами, за занавеской, которую слабо надувает ветер.

Здесь, на юге, были изумительные ночи! Помню я одну из них — такую черную, точно небо и земля были покрыты черным бархатом. Какая-то сдержанная страсть, какое-то жгучее желание наполняло воздух и бродило между деревьями и подымалось из травы в пьяном запахе цветов. И казалось, что кто-то шепчет в темноте непонятные безумные слова, чьи-то раскрытые, опаленные зноем губы приближаются к лицу, чье-то тихое, жаркое дыхание касается щеки и шевелит волосы на висках… И ни одной звезды на небе, закрытом тяжелой низкой сплошной тьмой!

Были сказочные лунные ночи с небом, одетым в голубой атлас, и с морем, одетым в синий атлас, залитые сияньем золота и дрожащим блеском

серебра, праздничные ночи, сопровождаемые сладостной музыкой волн. Были яркие, бурные ночи, прекрасные и страшные, как лицо разгневанного ангела. Были томительные, странные ночи, с беспокойным ветром, напрягавшим нервы, с оранжевым светом в белых облаках, набегавших на луну, с мечущейся травой и качающимися деревьями.

Как часто тогда грезились мне петербургские белые ночи… Белые, мистические, бессонные ночи!

Нет возможности описать их нежного, тревожного, болезненного очарования. Их странное томление начинается с восьми, девяти, одиннадцати часов вечера. Ждешь ночи, сумерек, но их нет. Занавески на окнах белые. Тянет на улицу…

Полночь. Час ночи. На улице много народа. Но кажется, что все держатся около стен, идут осторожными, уклончивыми шагами, говорят вполголоса. Точно вот-вот в этом фальшивом полусвете, в этом полусне откроется над городом какая-то старинная тайна, и все предчувствуют ее и боятся ее.

Небо распростерлось над землей — однотонное, мокрое, молочно-белое. Ясно издалека видны фигуры людей, даже их лица, видны вывески

магазинов, видны кроткие ресницы у спящих извозчичьих лошадей.

Широкая река, такая спокойная в своей темной гранитной раме. Вся она как жидкое белое молоко. Только редкие ленивые морщинки на ней отливают в изломах синим цветом. Все — и небо и вода — похоже на игру перламутра, с его неуловимыми розовыми и голубыми оттенками.

И вот я вхожу в широкую уединенную улицу. Насколько хватает глаз, на ней нет ни одного человека. Шаги мои будят звонкие отзвуки. Налево, направо — огромные здания, в четыре, пять этажей. Но ни в одном окне нет огня, только бледный свет неба плоско блестит в черных стеклах, которые похожи теперь на ослепшие глаза.

Громадный дом протянулся от переулка. Слепые окна в пять рядов. Сколько людей живет здесь? Триста, четыреста человек? Мне кажется, я вижу, как они лежат сверху донизу и вдоль, один над другим, лежат на спине, на боку, с раскрытыми ртами, терзаемые нездоровыми сновидениями, лежат так близко и так далеко друг от друга!

Кто знает, какие злые шутки есть в распоряжении у судьбы? Вот, может быть, два человека, которые всю жизнь ищут, алчут друг друга, ле-

жат теперь рядом, голова к голове, ноги к ногам, разделенные только четвертью аршина стены? И может быть, никогда в жизни им не суждено встретиться, узнать друг друга, напоить взаимную жажду светом и счастьем. Триста человек спят и грезят в этом каменном чемодане, друг над другом. О, какой ужас скрывается в этой мысли! Мокрые белесоватые здания. Ни души на улице. Жуткая, необычайная греза овладевает моим воображением…

Кто знает, чем кончится длинная история нашей планеты, этой крошечной песчинки, несущейся по таинственным спиралям в какую-то страшную, безвестную и бесконечную пропасть? Несомненно, настанет время, когда вымрут последние жалкие, истощенные люди, дрожащие от бессилия и от того, что они уже осмелились заглянуть в бездну. Не все ли равно, отчего они погибнут: от холода, от зноя, от болезней, от безумия, от войны?

Но здания переживут их, здания, годы которых — столетия. И вот будут проходить дни и ночи, и опять дни и ночи, и опять, и опять… И по ночам будут стоять молча огромные дома, и церкви, и статуи с незрячими, устремленными вперед глазами, и музеи, и театры… И бессонный свет

белых ночей будет таинственно ласкать бронзу и камень и будет дробиться в уцелевших стеклах мертвых, слепых окон. И ничьи, ничьи одинокие шаги не разбудят звонкого ночного отзвука.

Я выхожу на широкую, длинную улицу. Люди идут, сгорбившись, осторожно, крадучись. Точно в старинной сказке, у них нет тени, и это мне кажется страшным…

Вот намазанное женское лицо. Беспощадно выступают круглые, грубо почерненные брови, пудра на дряблой коже, рдеющий пунцовым румянец на щеках. Не все ли равно! Ведь и она умрет и утучнит гнилью своего тела равнодушную землю. Но здания переживут и ее, и нас, и наших правнуков. И когда на земле никого не останется, опустевшие здания будут загадочно в тишине и полусвете белой ночи глядеть своими мрачными, слепыми глазами.

Наступает утро. В небе и в широкой реке зажигаются глубокие, но не яркие цвета, точно в драгоценном опале — нежные, переливающиеся цвета: розовый, голубой, лиловый.

1904